

УДК 2-86(470.2)

**СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ ЧАСОВНИ
И МОЛИТВЕННЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ОЛОНЕЦКОЙ ЕПАРХИИ)**

Пулькин М.В.

В статье рассмотрены закономерности создания и функционирования основных центров старообрядчества – часовен и молитвенных помещений. Выявлено, что облик и обустройство старообрядческих храмов менялись под воздействием репрессивной политики Российского государства в вероисповедной сфере. Для XVIII столетия более типичны часовни, нередко находящиеся в «совместном пользовании» староверов и представителей господствующей Церкви. Гонения, начавшиеся в XIX в., привели к заметной трансформации старообрядческих храмов и появлению моленных, чей внешний облик в большей степени способствовал скрытному проведению богослужений и тайному осуществлению церковных треб в создавшейся тяжелой ситуации. Преследования старообрядцев, выявление и ликвидация их молитвенных помещений осуществлялись скоординированными усилиями полиции и местного духовенства.

Ключевые слова: старообрядчество, моленные, верующие, духовенство, часовни, богослужение, миссионеры, прозелитизм, полиция.

**OLD BELIEVER CHAPELS AND PRAYER ROOMS
IN THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES
(BASED ON THE MATERIALS OF THE OLONETS DIOCESE)**

Pulkin M.V.

The article examines the patterns of creation and functioning of the Old Believers main centres – chapels and prayer rooms. It was revealed that the appearance and arrangement of Old Believer churches changed under the influence of the repressive policy of the Russian state in the religious field. For the 18th century chapels often in the “joint use” of Old Believers and representatives of the dominant

Church were more typical. The persecutions, which began in the 19th century, led to a noticeable transformation of Old Believer churches and the emergence of prayer houses. Their appearance contributed to a greater extent to the secretive conduct of divine services and the secret implementation of church requirements in the difficult situation that had arisen. The persecution of Old Believers and the identification and liquidation of their prayer rooms were carried out through the coordinated efforts of the police and local clergy.

Keywords: Old Believers, prayer houses, believers, clergy, chapels, worship, missionaries, proselytism, police.

Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН по теме «Культурное наследие и исторический опыт Карелии и сопредельных регионов: новые подходы и интерпретации» (2024-2026) 124022000029-0.

Влияние старообрядческих наставников распространялось благодаря многочисленным часовням и *моленным* – особым помещениям в некоторых жилых домах или отдельных постройках, где старообрядцы могли собраться втайне от местных властей и духовенства. Приверженцы «древлего благочестия» чаще всего совершали богослужения на тех предприятиях, которыми владели и где работали старообрядцы, в часовнях и храмах, открытых с разрешения властей в период ослабления репрессий, а также в старообрядческих скитах [5, с. 78]. В октябре 1800 г. появился указ Синода «О дозволении старообрядцам строить собственные церкви» [4, с. 357]. Некоторое время на рубеже XVIII и XIX столетий старообрядцы имели право строить собственные храмы (староверы-беспоповцы в соответствии со своим вероучением возводили часовни). В условиях гонений, возобновившихся со второй четверти XIX в., более пригодные для конспиративных целей моленные стали наиболее типичной разновидностью помещений для совершения старообрядческих религиозных обрядов.

На сегодняшний день старообрядческие часовни и моленные являются объектом внимания многочисленных исследователей, опирающихся в своих изысканиях на обширные документы, созданные полицией и консисториями ряда епархий [3, с. 44-49; 7, с. 176-180; 8, с. 153-181; 9, с. 51-54; 11, с. 54-59; 18, с. 18-27; 19, с. 112-125;].

Задача данной статьи заключается в выявлении наиболее типичных особенностей моленных Олонецкого края, изучении наиболее характерных черт их функционирования и эволюции внешнего облика.

В существовании старообрядческих моленных и часовен повсюду в России, и на изучаемой территории в том числе, отчетливо прослеживаются два этапа.

На *первом этапе* богослужения совершались в часовнях, но одновременно шло формирование моленных как особой разновидности зданий для тайного совершения богослужений по старообрядческим канонам.

Второй этап начался поневоле, одновременно с ростом репрессий в отношении старообрядцев. Предпринимаемые ими попытки совершать церковные службы и обряды в часовнях примерно со второй четверти XIX в. наткнулись на жесткое сопротивление духовных и светских властей. В 1846 г. в одной из часовен Повенецкого уезда местный священник обнаружил «расколоучительницу крестьянскую женку» Наталью Назарову, которая пыталась совершать в местной часовне богослужение по старообрядческим правилам. Уездный суд признал Назарову «виновной в распространении раскола» и приговорил, «лишив всех прав состояния, сослать в Кавказский край» [13, л. 5]. В 1855 г. местный благочинный обнаружил в Лумбужском приходе часовню, «которая хотя подчинена церкви, но часовенный староста есть тайный раскольник». Как выяснилось в ходе расследования, по книгам, находящимся в часовне, «раскольники совершают в праздники невозбранно службу». Благочинный потребовал немедленно опечатать часовню [17, л. 7]. Суровые меры вынуждали старообрядцев задумываться о новых способах организации богослужений. В отличие от часовен, моленные не имели никаких

явных внешних признаков, по которым враждебно настроенный посторонний наблюдатель мог безошибочно определить, что перед ним старообрядческий храм.

В основе репрессивной политики лежало четкое взаимодействие церковной и светской власти. Наиболее опасные труды, связанные с выявлением старообрядцев, церковное законодательство постоянно возлагало на приходское духовенство. Именно местные священники обязывались доносить епархиальному преосвященному о состоянии раскола, «с описанием своих действий, как по охранению православных в истинной вере, так и по вразумлению заблуждающих». Епархиальное начальство, в свою очередь, обращалось к светской власти (прежде всего, к полиции), на которую закон возложил обязанность «ограждать Церковь от оскорблений и не допускать заблуждающих к внешним оказательствам ереси и к действиям, могущим производить соблазн» [20, с. 8]. Как показывает анализ следственных дел, инициатива в выявлении новопостроенных старообрядческих моленных чаще всего исходила от приходских священников.

Благодаря своему опыту противодействия староверам они ценой небольших усилий могли безошибочно обнаружить старообрядческую моленную по косвенным признакам. В числе таковых особое значение имели: неоднократный отказ допустить к себе в дом местного приходского иерея или миссионера-представителя «господствующей» Церкви, регулярные массовые посещения жилища одного из старообрядцев его сторонниками (особенно в дни церковных праздников), наличие особого кладбища, на котором без участия духовенства постоянно совершаются обряды погребения и пр. Пространно излагая свои наблюдения, священник тут же просил местную светскую власть, и в особенности ее «силовые структуры», чаще всего в лице урядника, незамедлительно вмешаться и прекратить незаконные собрания. Полицейские чины, согласно закону обязывались «во всяком случае, и всю предоставленную им властью содействовать православному духовному начальству в охранении прав церкви и незыблемости самой веры, наблюдая

тщательно, чтобы ереси, расколы и другие, предрассудками и невежеством порождаемые, заблуждения не были распространяемые между жителями вверенной им губернии» [6, с. 16].

Местное начальство считало выявление моленных непростым и опасным делом. Каргопольский уездный исправник доносил олонецкому губернатору: «доказать путем свидетельских показаний посещение посторонними лицами моленной немислимо». В том случае, если «там бывает сборище молящихся, то обнаружение сего, при предпринимаемых в подобных случаях раскольниками предосторожностях, так же нелегко». Сбор улики «может быть разве делом случайным» и связан с редкой удачей, «когда удалось бы накрыть это сборище в момент совершения богослужения». Здесь возникают трудности, поскольку нужна «особая осмотрительность, дабы не возбудить возможных в данном случае столкновений» [15, л. 2]. Дальнейшее развитие событий зависело от служебного рвения и темперамента служителя закона, а также от способности старообрядцев откупиться и таким способом прекратить преследования. Но даже при самом неблагоприятном стечении обстоятельств разгрому старообрядческой моленной предшествовал ее внимательный осмотр, целью которого было выявление утвари, предназначенной для богослужения, картин на религиозные темы, икон и прочих косвенных признаков старообрядческих молитвенных собраний. Протоколы досмотров стали ценнейшим источником по истории старообрядческого движения в XIX – начале XX вв. Как правило, составители документов в качестве улики отмечали запах ладана в помещении, наличие отдельной комнаты, предназначенной для богослужения и другие, столь же веские, доказательства старообрядческих мероприятий.

Набор икон в большинстве случаев не отличался оригинальностью. На стенах моленной висели те же самые лики святых, которые проверяющие могли видеть в ближайшей церкви. В отдельных случаях убранство старообрядческой моленной носило особые, присущие исключительно старообрядцам, черты. В 1850-х гг. миссионер иеромонах Исихий неоднократно пытался войти в дом олонецкого купца П.А. Мясникова для церковно-просветительской беседы, но

регулярно получал отказ. Позже иеромонах выяснил, что «не для олонецких только священнослужителей не бывает входа в дом Мясникова, но даже и для всех лиц духовного ведомства». Помощнику миссионера удалось узнать, что в доме находится моленная и совершаются церковные службы по старообрядческим правилам. Внезапный обыск, проведенный при помощи местной полиции в доме олонецкого купца, дал ожидаемый результат. Оказалось, что Мясников хранил дома картину, явно «противную учению Православной Церкви». Ужасная сцена, изображенная на полотне, неизбежно должна, по мнению духовных властей, «весьма соблазнительно действовать на людей простых и утверждать в них превратные понятия о суете мира». Картину конфисковали, а за домом П.А. Мясникова установили постоянное наблюдение [16, л. 11].

Учитывая опыт гонений, старообрядцы приняли меры для усиления конспирации. В некоторых случаях необходимые для богослужения предметы появлялись в моленной только на время совершения ритуалов. Расположенная в одной из деревень Вытегорского погоста простая изба крестьянина А. Воронова становилась моленной на краткий срок: как говорилось в рапорте исправника, «в большинстве случаев лишь на время молитвословий приносят (старообрядцы. – *М.П.*) свои образы» [14, л. 10]. Уличить крестьянина в том, что в его доме находится моленная, становилось для полиции и приходского духовенства трудноразрешимой задачей. Зачастую невозможным делом становилось и изъятие в моленной предметов богослужебного обихода. Судьба конфискованного имущества во всех случаях оставалась одинаковой. Всё пригодное для богослужений в единоверческих церквях поступало в распоряжение консистории и затем передавалось по назначению. Обнаруженные в моленных книги пополняли библиотеку семинарии и использовались при разработке «противораскольнических» учебных курсов. Иногда уничтожались редкие, представляющие художественную и историческую ценность иконы. По закону старообрядцам не полагалось никакой компенсации за конфискованное имущество. После прекращения

гонений и введения в Российской империи основ веротерпимости староверы ставили вопрос о возвращении конфискованного имущества, но их неоднократные просьбы так и не были удовлетворены. К началу XX в. всё отобранное безвозвратно исчезло.

Репрессивные меры в отношении старообрядческих моленных и их хозяев дифференцировались в зависимости от того, где располагалась моленная. Наиболее решительно духовные власти, всегда опирающиеся при решении подобного рода проблем на помощь полиции, действовали в том случае, если моленная располагалась в отдельном, нежилом помещении. Тогда она подвергалась немедленному разрушению. Если же моленная располагалась в жилом доме, и ее разгром мог привести к уничтожению единственного жилья целой семьи, действия полиции все же отличались большей осторожностью и гуманизмом. Хозяин старообрядческой моленной, расположенной в одной из деревень в Олонецком уезде, в 1837 г. дал земскому исправнику подписку в том, что в дальнейшем не станет собирать в своем доме старообрядцев, «а также и раскольничьей моленной в доме не устраивать под опасением строжайшего за неисполнение сего по законам взыскания» [12, л. 73] и такой ценой сохранил свою избу.

Легализация моленных связана с изменениями в религиозной политике Российского государства. Поворотным пунктом стал закон от 3 мая 1883 г., благодаря которому старообрядцы получили право «творить общественную молитву», «исполнять духовные требы и совершать богослужения не только в частных домах, но и особо предназначенных для сего зданиях». Старообрядцам разрешалось «исправление и возобновление часовен и других молитвенных зданий, без изменения, однако, внешнего вида их» [2, с. 66]. Указанное решение повторилось 17 апреля 1905 г. в высочайше утвержденном Положении Комитета Министров об укреплении основ веротерпимости [21, с. 31]. Закон 1883 г. стал новым этапом в отношении власти к старообрядческим моленным, заставив местную администрацию отказаться от устоявшегося порядка выявления и последующего уничтожения старообрядческих молитвенных

зданий. Результаты не замедлили проявиться. По состоянию на 1898 г., как указывалось в отчете обер-прокурора Синода, у некоторых из старообрядцев теперь имеются просторные моленные, украшенные «с большим благолепием и даже роскошью» [1, с. 208]. В то же время современные исследователи отмечают парадоксальность применения юридических норм, появившихся в 1883 г.: «Реализация прав, дарованных данным законом, без разрешения подлежащих властей являлась преступлением» [3, с. 46].

После издания закона о веротерпимости (17 апреля 1905 г.), старообрядцы ряда местностей епархии начали вполне свободно обзаводиться моленными [10, с. 40]. В XIX – начале XX вв. моленные стали неотъемлемой частью истории старообрядчества, своеобразными духовными центрами, длительное время существующими в ряде приходов Олонецкой епархии и чаще всего противопоставляемыми приходской церкви. В них совершались богослужения и церковные требы, велась торговля предметами церковного обихода. Но самое главное предназначение моленных состояло в поддержании групповой идентичности в старообрядческой среде. Непрерывные интенсивные контакты с собратьями по вере позволяли старообрядцам преодолевать гонения, которые обрушились на них в первой половине XIX в., а сформировавшиеся при моленных сообщества послужили основой для возрождения старообрядчества.

Список литературы:

1. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1894-1895 годы. СПб.: Синод. тип., 1896. 210 с.

2. Законы о раскольниках и сектантах с разъяснениями Святейшего Синода и Правительствующего Сената, циркулярами Министра внутренних дел, правилами о метрических книгах и об устройстве миссии и способ действия миссионеров и пастырей Церкви, с извлечениями из нового

Уголовного уложения, высочайше утвержденного 22 марта 1903 года. М.: Изд. Юридического книжного магазина А.Ф. Скорова, 1903. 226 с.

3. Ильин В.Н., Зеленин Ю.А. Государственно-правовое регламентирование функционирования староверческих молитвенных домов на территории Томской губернии в XIX – начале XX в. // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2018. № 5 (103). С. 44-49.

4. Именной указ, данный Синоду «О дозволении старообрядцам строить церкви» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Типография Второго отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 26. № 19 621. С. 357.

5. Кабанов А.Е. Старообрядцы владимирских и костромских земель. Иваново: ПресСто, 2010. 220 с.

6. Канторович Я.А. Законы о вере и веротерпимости: С приложением Свода разъяснений по кассационным решениям Сената. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. 287 с.

7. Мельников И.А. Старообрядческие скиты и кельи Северо-Запада Новгородского уезда в XIX веке // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 2 (41). С. 176-180.

8. Мельников И.А. Старообрядчество Устюженского уезда Новгородской губернии XIX-XX вв.: динамика расселения и конфессиональные взаимосвязи // Новгородский исторический сборник. Великий Новгород: Институт Археологии Российской Академии наук, 2019. С. 153-181.

9. Наградов И.С. Старообрядчество в условиях либерализации государственной политики 1860-е годы (на материалах Ярославской и Костромской губерний) // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2012. № 4. С. 51-54.

10. Обзор Олонецкой губернии за 1908 год. Петрозаводск: Тип. Губернского правления, 1909. 48 с.

11. Петранкин В.В. Реконструкция места памяти: Королевская старообрядческая моленная // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2023. № 2 (55). С. 54-59.
12. Подписка о прекращении старообрядческих богослужений в Олонецком уезде // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 46. Д. 10/270. Л. 73.
13. Приговор Повенецкого уездного суда крестьяне Назаровой // Российский государственный архив древних актов. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1961. Л. 5-16.
14. Рапорт вытегорского исправника о моленной в доме крестьянина Воронова // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 1. Оп. 1. Д. 88/21. Л. 10-10 об.
15. Рапорт каргопольского исправника олонецкому губернатору // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 10. Д. 78/42. Л. 2.
16. Рапорт олонецкого миссионера иеромонаха Исихий о старообрядческой моленной // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 14, Д. 35/45. Л. 11.
17. Рапорт повенецкого благочинного о старообрядческой часовне в Лумбужском приходе // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 16. Д. 66/15. Л. 7.
18. Савинцев В.А. Старообрядческие моленные и храмы на территории Рязанской епархии (XIX-XX века) // Вестник государственного Рязанского университета имени С.А. Есенина. 2018. № 2 (59). С. 18-27.
19. Старицын А.Н. Староверческий монастырь на Топозере в народных преданиях и воспоминаниях путешественников // Словесность и история. 2020. № 2. С. 112-125.
20. Устав духовных консисторий // Церковное благоустройство. Сборник действующих церковно-гражданских законоположений, относящихся к духовному ведомству. М., 1901. С. 5-64.

21. Ясевич-Бородаевская В.И. Борьба за веру. Историко-бытовые очерки и обзор законодательства по старообрядчеству и сектантству в его последовательном развитии. СПб.: Гос. тип., 1912. 696 с.

Сведения об авторе:

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук; доцент кафедры экономики, управления производством и государственного и муниципального управления Института экономики и права Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия).

Data about the author:

Pulkin Maxim Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor of Economics, Production Management and State and Municipal Administration Department, Institute of Economics and Law, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia).

E-mail: mvpulkin@mail.ru.